

1795 А. С. ГРИБОЕДОВ 1945

Леоид ЛЕОНОВ Вечно молодое

«Горе от ума» предстает перед нами в том виде, в каком комедия являлась перед изумленными современниками.

Мы отмечаем классические линии совершенной драматургии, словесные богатства, предельное мастерство шахматных ходов, — они видны в ней первую, пока поэтическую программу национального развития. Она будила в них ярость или совесть. Это отличное драматическое произведение, ставшее для нас наравне с «Ревизором» образцом реалистической комедии нравов, живет сегодня уже второю молодостью... но пусть и первая молодость наших книг станет такой же яркой и сильной!.

«Горе от ума» родилось на пороге духа непримиримых эпох, когда Россия и ее слово еще не пробудились от оцепенения, но уже истончилась пленка забвения, и обрывки действительности все чаще проникали в наше сознание, мешались порой с узорами романтических сновидений.

Грибоедов пришел из той самой среды дворянства, которое ему предстояло осудить и на которое опирался первый, верховный помещик империи. Грибоедов знал это состояние. Грибоедовская комедия оказалась мной могучей взрывной силой и многократного действия, заложеной в фундамент крепостнического общества, — в наши военные дни это солдатское сравнение есть высшая хвала поэту. Естественно, что значение и место ее в русской жизни сразу угадали николаевские чиновники. На сцене и в печати она появилась лишь годы спустя, когда Грибоедова уже закопали на горе Давида, над городом, который он так любил. Перед читателем народный текст появился лишь сорок шесть лет спустя, — вот как они болели Грибоедова!

Первый тираж «Горе от ума» был разможен не на типографских станках, но руками патриотов, и можно представить, как обжигали сердце эти рукописные листки, как взрывалось впоследствии на сцене это глубоко поэтическое и словесно даже сдержанное произведение. Злые пламя грибоедовского сарказма ворвалось в сотни помещичьих гостиных в тот момент, когда, опочив от недавних военных трудов, Фамусовы благодушествовали со своими Сергей-Сергеичами. Странный зверообразный лик глянул на них со страниц комедии, и вот, один извлекшись из этого правдивого зеркала, другие виновато опустили глаза, потому что узнавали себя в присных своих.

Одновременно с ликованием друзей, как черные клубы дыма, поднялись ябеды, брань, клевета, доносы и сама всемогущая зависть, это подпольное восхищение неудачников. По разрозненным возмозванным отзывам современников можно судить о силе удара.

То была суматоха крупнейшего общественного скандала. Комедию тем яростней терзали цензоры, чем громче рукописескала ей прогрессивная

часть обеих столиц, — ее взвешивали на весах трех классических единств, и все стремились определить, кто же он такой, господин Чацкий, осмелившийся поддаться уютный и гостеприимный фамусовский дом, и кто надушил его на этот неблагоприятный поступок? На протяжении десятилетия дотошные литературные следователи искали в мировой литературе его родно и сообщников, придирались к похожим ситуациям и строчкам.

Более серьезных критиков занимало, чего больше в Чацком и, следовательно, в духовном отце его, Грибоедове, — славянофила или декабриста, либерала или патриота.

Для нас, нынешних, Чацкий был прежде всего русским человеком, осознавшим не только свою национальную самостоятельность, но и высокие нравственные задачи. Это был молодой русский человек, как мы являемся сегодня, вне зависимости от возраста, молодыми советскими людьми: человеческий прогресс всегда был двигателем, горючим которому служит молодость. «Горе от ума» не было для России сигналом боевой трубы, но которому на богатирскую схватку с народной бедою встали исполнители родной земли... но кто решится потребовать большего от этих зачинателей и одиночек? Герцену было двенадцать лет, когда появилось «Горе от ума». Чернышевский родился пять лет спустя, и почти астрономическое, в полвека, расстояние отделяет его эпоху от Ленина. «Горе от ума» было криком среди поаной ночи, криком, что гадко и пошло жить в обществе, где людей менают на собак и где стыдятся назвать себя русскими из опасения смешаться с народом.

Успех этой книги широчайшего общественного анализа был бы немислом, если бы высоким идейным качествам не соответствовали такие же литературные достоинства. Ее архитектура совершенна. Она исполнена отличным, крыловского басенного склада и пушкинской выразительности стихом. Такой краткости, когда портрет рисуется с полурепликой, у нас не достигал почти никто. Мы с детства пользуемся формулировками комедии для определения житейских положений. В. И. Ленин неоднократно пользовался разным грибоедовским словом в знаменитых битвах со своими и — нашими политическими противниками.

Значение гениального произведения простирается по мере того, как проверяется годами его обширность, в родной почве, корневая система. И если ни забвение потомков, ни бури века не могут заглушить его, и свежее открытский бегут от ствола, и молодость обирается, как сегодня, под его старые ветви, — такое произведение само повышает уровень родного искусства, оно способно старым своим, испытанным хмелем будоражит новые, еще не созревшие идеи, с его вершин открываются более широкие горизонты национального бытия.

Ленинград чувствует память великого писателя

С докладом «Грибоедов и русская культура» выступил В. Н. Орлов. Писательница-орденоносца О. Фори прочла доклад на тему: «Чацкий и современность». Интересный доклад о сценической истории «Горя от ума» сделал народный артист СССР Ю. М. Юрьев.

ЛЕНИНГРАД, 13 января. (По телеф. от соб. корр.). Сегодня в Доме имени Маяковского состоялось объединенное торжественное заседание Ленинградского союза писателей и Института литературы Академии наук СССР, посвященное 150-летию со дня рождения Грибоедова.

С докладом «Грибоедов и русская культура» выступил В. Н. Орлов. Писательница-орденоносца О. Фори прочла доклад на тему: «Чацкий и современность». Интересный доклад о сценической истории «Горя от ума» сделал народный артист СССР Ю. М. Юрьев.

«Дух преобразования заставляет вездеходы казакотать», — сказал декабрист Пестель.

А. С. Грибоедов учится в Московском университете в атмосфере оживления общественной мысли. Тут, в университетском пансионе и университете, он провел чуть ли не десять лет своего отрочества и юности. Кончив два факультета и получив степен кандидат наук, он учился уже на третьем факультете и готовился к экзамену на «чьи доктора». Грибоедов, по свидетельству близко знавших его людей, «учился страстно». Студентство было в курсе политических событий, следил за газетами и за новой литературой. «Законы должны быть для всех граждан одинаковы», «Когда власть монарха не подвергается никаким ограничениям, сие называется деспотизмом», — читали московские студенты в учебнике своего профессора Л. Цветаева. Передовые идеи, пробивавшиеся в преподавании, молодежь широко черпала из политической литературы, часто запретной. Одновременно с Грибоедовым в Московском университете и университетском пансионе воспитывались двадцать тысяч будущих декабристов.

Прямо со студенческой скамьи Грибоедов пошел в армию. «Как получено было известие о вторжении неприятеля в пределы отечества нашего... я решил тогда оставить все занятия мои и поступить в военную службу», — пишет Грибоедов в служебном документе.

А. С. Грибоедову не пришлось принимать участия в военных действиях: он служил в штабе формирования кавалерийских резервов. Вести о великих событиях волновали будущего писателя: он слышал рассказы о битве Бородинской, вести о великой «битве народов» под Лейпцигом, о взятии Парижа. После войны за освобождение Европы Грибоедов посылался в Петербург. Войска возвращались из-за границы в Петербург, полные новых впечатлений. Но не заграничные впечатления породили декабризм, — семена политического броже-

Русские писатели о „Горе от ума“

«Горе от ума» есть явление необыкновенное, произведение таланта сильного, могучего...

В. БЕЛИНСКИЙ.

«Горе от ума» появилось раньше Онегина, Печорина, пережило их, прошло невредимо чрез гоголевский период... и все живет своею нетленной жизнью, переживает и еще много эпох, и все не утратит своей жизнечности.

И. ГОНЧАРОВ.

«У нас образцово поучительной песней является изумительная по своему совершенству комедия Грибоедова, который крайне экономно, небольшим количеством фраз создал такие фигуры, как Фамусов, Скалозуб, Молчалин, Репетилов, — фигуры, в которых исторически точно отражена эпоха, в каждой ярко даны ее классовые и «профессиональные» признаки, и которые вышли далеко за пределы эпохи, дожив до наших дней, т. е. являются уже не характерами, а типами, как, например, Фальстаф Шекспира, как Мизантроп и Тартюф Мольера, и прочие типы этого рода».

М. ГОРЬКИЙ.

Грибоедовские торжества в Азербайджане

БАКУ, 13 января. (По телеф. от соб. корр.). Грибоедовские дни — значительное культурное событие в жизни Баку и всего Азербайджана. Видные литературоведы выступают с работами, посвященными великому русскому писателю. В этих работах широко освещается тот период в жизни Грибоедова, когда писатель был непосредственно связан с деятелями азербайджанской культуры. Как известно, Грибоедов был близок с крупнейшим ученым того времени Агас Кули Ага Баки-

хановым, посетил некоторые районы Азербайджана, Шемаху, Барду и Шамхор, слушал ашугские песни.

Значению Грибоедова в мировой литературе и его влиянию на развитие азербайджанской литературы посвящаются лекции и доклады, организуемые во всех городах и районах республики. «Горе от ума» полностью переводится на азербайджанский язык. Автор перевода — Мирза Ибрагимов.

Зародились раньше. Новые впечатления лишь ускорили политическое созревание передовой молодежи. Наступает время формирования тайных декабристских обществ — Союза Спасения (1816), Военного общества (1817), Союза Благочестия (1818). Передовая молодежь глубоко встревожена тяжелым, угнетенным положением любимой родины. «Крепостное состояние — мерзость», — формулирует общую мысль декабрист Якушкин.

Среди петербургских знакомых Грибоедова того времени — свыше сорока декабристских имен. Умнейший человек своего времени, — так назвал его Пушкин, — Грибоедов активно участвовал в идейной жизни своего времени. Он мог и на примере своих друзей, и на собственном примере многократно наблюдать основную коллизия эпохи — столкновение передового молодого человека, «иночереда либеральных идей», со старым, крепостническим миром, защищавшим вступившую старину. Эту коллизию и положил он в основу знаменитой комедии.

А. С. Грибоедов задумал «Горе от ума» в 1816 г. Время особого оживления работы над комедией совпало с напряженным периодом европейской политической жизни: революционная ситуация 1818—19 гг. перешла в 1820 году в революцию. В бурные годы победы революции в Испании, в Неаполе, Португалии, Пьемонте, Греции пишет Грибоедов первые два акта комедии. Новые документы рисуют нам особые черты той оживленной идейной кипения человеческой среды, в которой вращается Грибоедов в Грузии. В 1823 году Грибоедов приезжает в длительный отпуск на родину, в 1824 г. в основном кончает «Горе от ума».

Изумительна политическая насыщенность пьесы. Через нее можно почувствовать движение истории. — Пьеса и сама движется основной коллизией времени — реальным противоречием двух столкнувшихся в ней лагерей. Ее можно назвать пьесой о новаторе. Чацкий один-один идет в бой против старого крепостнического лагеря, но тонкими, чуть заметными штрихами обрисован за ним

лагерь его сторонников: «теперь пускай из нас один, из молодых людей, найдется: враг исканий...» Недаром говорит он во множественном числе. «Учидши бы, на старших глядя», — также во множественном числе восклицает Фамусов, чувствуя в Чацком не одного, а многих. Герой только что вернулся из-за границы, — он оказался в той же ситуации, которая являлась ситуацией целого поколения передовых деятелей.

Мало сказать, что в комедии «отражено» крепостное право! Отразить можно по-всякому. Нет, Чацкий ненавидит его и борется с ним. Автор, которого декабристы называли «человеком свободомыслием», который сам о себе писал, что он «по духу времени» «ненавидит само слово раб», доверил Чацкому лучшие свои мысли: живые слова Чацкого о «Несторе негодием знатных», жизнь и честь которого спасает его крепостное суди, — и вдруг «на них он выменял борьбу три собаки», — это протест против крепостничества, как инстинкта.

Новое чувство чести, новое высокое понимание своего достоинства насыщает все действия Чацкого. Молодежь его времени, по словам декабриста Якушкина, воспиталась в «огромной обстановке». Она привыкла участвовать в великих событиях 1812 года и освобождения Европы, чувство чести насытилось понятием великого дела, понятием гражданского служения родине. «С чувством своего достоинства и возвышенной любви к отечеству большая часть офицеров гвардии возвратилась в Петербург», — пишет декабрист Фоминский. «Что же встретил он тут? Царство аракечевским. «Железные, кровавые когти Аракчева сделали уже чувствительны повсюду. Служба стала тяжела и оскорбительна... Требовалось не служить благородной, а холонской подчиненности. Я вышел в отставку», — свидетельствует декабрист Вл. Раевский. Вот — исторический комментарий к полному глубокого смысла словам Чацкого: «Служить бы рад, прислуживаться тошно».

Ю. ЗАВАДСКИЙ Наша гордость

О Грибоедове наша русская критика так много и хорошо говорила и писала, так полно и, казалось бы, исчерпывающе, что как будто и не осталось ничего недосказанного или недопонятого.

Но, как всякое истинно-великое явление искусства, «Горе от ума» Грибоедова таит в себе такие богатства, которые с годами становятся все очевидней.

Я хочу поделиться соображениями, возникающими у меня, когда я вспоминаю свою работу над «Горем от ума», — и как исполнителем роли Чацкого во МХАТе, и как постановщик спектакля (со своим коллективом в Ростове).

Пушкин когда-то писал: «В комедии Горе от ума, кто умнее действующее лицо? Ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий, благородный молодой человек и добрый малый, прошедший несколько времени с очень умным человеком, (именно с Грибоедовым) и питавшийся его мыслями, остроумиями и сатирическими замечаниями».

Вот таким грибоедовским умом, грибоедовским чувством юмора, грибоедовским чувством отточенной формы, грибоедовским пониманием действительности и грибоедовским высоким духовным миром, глубоким, истинным патриотизмом должен вдохновляться актер, играющий его образ, должен проникнуться театр в целом. Великолепным вкусом к слову, к московскому слову, к пластике ритмической фразы должен обладать грибоедовский актер. А за словом — мир образов, эпоха, для художественного выражения которой недостаточно так называемого «московского гротеска», условной

формы или бытовизма, граничащего с натурализмом. Каждый образ у Грибоедова точен, единственен и одновременно типичен, каждый — начиная с Фамусова и кончая заснувшим лакеем, заснувшим на шубах кучером...

Чацкий, этот вдохновенно несущийся к прекрасным целям юноша, чуть-чуть Дон-Кихот, для нас сегодня несколько наивен. Вспомните, как он, рассказывая Софье о событиях:

«В той комнате незначущая встреча: Французик из Бордо, надсаживая грудь, Собрал вокруг себя род веча...» вторично остается один, всеми покинутый, и не замечает этого.

Но в его наивности какая чистая воля к самостоятельности, какой великий, благородный патриотизм:

«Ах! Если рождены мы все перенимать, Хоть у китайцев бы нам несколько завянуть Премудрого у них незнания иноземцев. Воскреснем ли когда от чужеземства мод? Чтб умный, бодрый наш народ Хоть по языку нас не считал за немцев».

Чацкий (Грибоедов) — это наша гордость, это — те наши идеалы, которыми мы сегодня гордимся, это — та великая, прогрессивная сила, которая являет основу русского самосознания.

Сегодня, в дни войны, когда наш народ в высоком подъеме духа проявил свое единство и исполнил свою историческую миссию, воляный, страстный голос Грибоедова звучит волнующе и живо.

Ник. АСЕЕВ Бессмертное слово

Гений Грибоедова владеет горячим оружием слова в таком совершенстве, как никто другой из русских поэтов.

Пушкин был блестящей и многогранной Грибоедов... Его деятельность по выявлению всех средств выражения, всех изобразительных возможностей литературы русской, конечно, несравнима и почти неизмерима. Но в одной области — в области предельной точности образного обиходного языка — Грибоедов является главным и удачливейшим его законодателем в литературе, непревзойденным до сей поры. Грибоедов изумительно владел образной разговорной речью, диалогом в его чистом виде, заставляя чувствовать и пейзаж, и психологию, расширяя пределы ограниченного действия на многие времена и на дальние пространства только лишь разговорной речью. Сила этой речи становится совершенно ясней, если мы припомним, как прочно вошла в наше сознание эта поэтическая речь, как сформировала она нашу собственную языковую систему.

Нет ни одной поэтической тени, за исключением Пушкина, Крылова, которая так сопровождала бы нас с самого нашего детства, руководя и направляя наше сознание и опыт ознакомления с простым по виду и вместе с тем таким сложным на практике строем языка. Грибоедов повлиял на развитие нашей литературной речи, вводя в нее драгоценную живую, образную ткань разговорную; он же продолжает участвовать в развитии и формировании позднейшей разговорной речи, давая образцы ее ненавязчивой и немеркнувшей грани. И какое бы ничем незаполнимое белое пятно осталось у нас в

литературе без Грибоедова! В самом деле, представим себе на минуту, что в ней не было Грибоедова и Крылова. Даже при наличии остальных великих как посереде бы и помрачнела она без этих всем близких и родных имен! Вель действительно, насколько себя помнишь, в сознании, как светилоси послыши, прочно впитанные и запечатленные навсегда, встает слово: «Как посереде бы да посмотреть век нынешний и век минувший: свежо предание, а верится с трудом». И вот встает в представлении «век минувший», когда («Дютиончик огромного размера») и в литературе, и в жизни господствовало «смешение языков: французского с нижегородским», когда были «дома новые, но преласудили старые». И вновь встает в спор два давно знакомых голоса, два непримиримых начала: старое и новое, Молчалин и Чацкий. И весь этот мир Молчалиных, Фамусовых, Репетиловых, Скалозубов, мир темных теней прошлого, уже не существующий, встает перед воображением, как в прозрачном стекле, навски заглянувший в хрустальной чистоте и граничности грибоедовского стиха. А сколько еще как-то даже и неосознанных, но запечатленных отрывков запечатлелось в уме!

Точность, звучность, запоминаемость образов — вот чем драгоценно наследие Грибоедова. Легучесть, меткость, жар их, неотстающий столетие, вот что позволяет нам в суровые годы военных испытаний назвать его почетным названием слайпера словесного образа.

А. С. Грибоедов

А. С. Грибоедов — одно из тех великих имен, которое цементирует культурную общность советского народа: его имя дорого сердцу русского и украинца, грузина, белоруса, армянина... Великий русский писатель создал на прекраснейшем русском языке произведение, дорогое для всех народов. И жизненный путь его пролегал по всему широкому пространству нашей родины: острым взглядом юности наблюдал он московские нравы, Петербург растил его мировоззрение, Тбилиси видел, как рука его писала первые акты «Горя от ума», в тучевой глуши, в имени друга, дописывая он великую комедию; в Киеве вместе с декабристами обсуждал, быть может, более всего вдохновившие его в жизни вопросы преобразования угнетенной крепостной России, тут же «с трепетом» вступал он в темноту Лавры и Софийского собора и любовался топами Украины с нагорного берега Днепра; в Тбилиси встретил и полюбил он прекрасную Нишу Чавчавадзе; в Ереване в первый и единственный раз увидел на сцене свою гонимую партию комедию...

Его имя бессмертно для советского народа. «Горе от ума» входит в нашу жизнь в юности, а потом, не потухая, горит в сознании, ярко вспыхивая то от нового чтения знакомых страниц, то от игры талантливого актера, то от случайного прозвучавшего стиха, вошедшего в наш язык как пословица.

Почему же нам всем так дороги Грибоедов и его пьеса?

А. С. Грибоедов — человек замечательной эпохи, а «Горе от ума» вырастает из таких кровных вопросов в истории нашей родины, без которых нельзя понять всей глубины произведения Грибоедова. То была эпоха «грозы двенадцатого года» и освобождения Европы; Пушкина и декабристов; целой полсотни европейских революций 20-х годов и такого кипения идей, которого ранее никогда не было в истории нашей родины.

А. С. Грибоедов

А. С. Грибоедов — одно из тех великих имен, которое цементирует культурную общность советского народа: его имя дорого сердцу русского и украинца, грузина, белоруса, армянина... Великий русский писатель создал на прекраснейшем русском языке произведение, дорогое для всех народов. И жизненный путь его пролегал по всему широкому пространству нашей родины: острым взглядом юности наблюдал он московские нравы, Петербург растил его мировоззрение, Тбилиси видел, как рука его писала первые акты «Горя от ума», в тучевой глуши, в имени друга, дописывая он великую комедию; в Киеве вместе с декабристами обсуждал, быть может, более всего вдохновившие его в жизни вопросы преобразования угнетенной крепостной России, тут же «с трепетом» вступал он в темноту Лавры и Софийского собора и любовался топами Украины с нагорного берега Днепра; в Тбилиси встретил и полюбил он прекрасную Нишу Чавчавадзе; в Ереване в первый и единственный раз увидел на сцене свою гонимую партию комедию...

Его имя бессмертно для советского народа. «Горе от ума» входит в нашу жизнь в юности, а потом, не потухая, горит в сознании, ярко вспыхивая то от нового чтения знакомых страниц, то от игры талантливого актера, то от случайного прозвучавшего стиха, вошедшего в наш язык как пословица.

Почему же нам всем так дороги Грибоедов и его пьеса?

А. С. Грибоедов — человек замечательной эпохи, а «Горе от ума» вырастает из таких кровных вопросов в истории нашей родины, без которых нельзя понять всей глубины произведения Грибоедова. То была эпоха «грозы двенадцатого года» и освобождения Европы; Пушкина и декабристов; целой полсотни европейских революций 20-х годов и такого кипения идей, которого ранее никогда не было в истории нашей родины.

А. С. Грибоедов

А. С. Грибоедов — одно из тех великих имен, которое цементирует культурную общность советского народа: его имя дорого сердцу русского и украинца, грузина, белоруса, армянина... Великий русский писатель создал на прекраснейшем русском языке произведение, дорогое для всех народов. И жизненный путь его пролегал по всему широкому пространству нашей родины: острым взглядом юности наблюдал он московские нравы, Петербург растил его мировоззрение, Тбилиси видел, как рука его писала первые акты «Горя от ума», в тучевой глуши, в имени друга, дописывая он великую комедию; в Киеве вместе с декабристами обсуждал, быть может, более всего вдохновившие его в жизни вопросы преобразования угнетенной крепостной России, тут же «с трепетом» вступал он в темноту Лавры и Софийского собора и любовался топами Украины с нагорного берега Днепра; в Тбилиси встретил и полюбил он прекрасную Нишу Чавчавадзе; в Ереване в первый и единственный раз увидел на сцене свою гонимую партию комедию...

Его имя бессмертно для советского народа. «Горе от ума» входит в нашу жизнь в юности, а потом, не потухая, горит в сознании, ярко вспыхивая то от нового чтения знакомых страниц, то от игры талантливого актера, то от случайного прозвучавшего стиха, вошедшего в наш язык как пословица.

Почему же нам всем так дороги Грибоедов и его пьеса?

А. С. Грибоедов — человек замечательной эпохи, а «Горе от ума» вырастает из таких кровных вопросов в истории нашей родины, без которых нельзя понять всей глубины произведения Грибоедова. То была эпоха «грозы двенадцатого года» и освобождения Европы; Пушкина и декабристов; целой полсотни европейских революций 20-х годов и такого кипения идей, которого ранее никогда не было в истории нашей родины.